

— Дедушка, дедушка...

Юноша крепко сжал безжизненно опустившуюся руку старика и в панике закричал. В его голосе слышалась разрывающая сердце боль, а лицо, прежде такое ясное и открытое, искажилось от горя. Ему показалось, что весь мир внезапно погрузился во тьму, зрение затуманилось, а сердце налилось невыносимой тяжестью. Ощущение, будто он проваливается в черную дыру, накрыло его с головой. Юноша вдруг осознал: дедушки больше нет.

— Нет, не уходи от меня! Разве ты не обещал дожждаться, когда Нян-нян создаст семью?

Юноша смотрел на неподвижное тело в кресле-качалке остекленевшим взглядом, полным безысходности и глубокой скорби. Он с трудом шевелил бледными, лишенными крови губами, и его слабый, беспомощный голос дрожал в воздухе, но человек в кресле уже никогда не смог бы ему ответить. Измученный болезнью, старик исхудал, его кожа высохла, а руки стали совсем тонкими. Но, глядя на него, можно было подумать, что он просто уснул — лицо его было безмятежным.

Прошло много времени, прежде чем юноша, казалось, принял реальность смерти дедушки. Он перестал кричать и биться в истерике, лишь сжался в комок в углу, обхватив колени руками, и замер, погруженный в свое горе. Спустя еще какое-то время он пробормотал:

— Неужели и дедушка бросил Нян-нян?

Голос его звучал глухо, на лице не дрогнул ни один мускул, но каждое слово, казалось, было пропитано нестерпимой мукой.

Погода ранней весной переменчива, словно лицо актера в пекинской опере. Еще мгновение назад стоял ясный полдень, но стоило старику испустить последний вздох, как небо внезапно заволочло тучами, загремел гром, и поднялся неистовый ветер. Черные тучи, словно тяжелый занавес, сомкнулись над головой, и разверзлись хляби небесные.

Юноша просидел в углу до самого вечера. Его фигура казалась такой хрупкой и беззащитной, что на это было больно смотреть. Слуги в усадьбе не решались подойти, и лишь старый дворецкий, на чьих глазах рос мальчик, осмелился нарушить гнетущую, пугающую тишину.

Юноша наконец отреагировал: он механически поднял голову, но не произнес ни слова. Его лицо, обращенное вверх, было влажным, и невозможно было понять, капли дождя это или слезы. Видя мертвенную бледность на лице юного хозяина, дворецкий, проживший долгую жизнь и повидавший немало невзгод, почувствовал, как к горлу подкатил ком. Сдерживая слезы, он подошел к нему и мягко проговорил:

— Юный господин, позвольте мне помочь вам подняться, переодеться и поесть, хорошо? На улице дождь, вы так долго сидели на полу, так и заболеть недолго.

Но юноша лишь смотрел в пустоту, взгляд его был затуманен, а тело казалось холодным, словно из него вынули душу. Лишь когда дворецкий добавил: — Вам нужно привести себя в порядок, чтобы подготовиться к похоронам, ведь вы — единственный родной человек, который у него остался, — юноша словно очнулся.

С помощью дворецкого он нетвердой походкой поднялся на ноги. Его глаза, прежде такие ясные, теперь были пустыми, а одежда насквозь пропиталась дождем. Дворецкий достал платок, чтобы бережно вытереть лицо юноши, но тот оставался безучастным.

За окном дождь начал стихать, но для юноши уход близкого человека стал не просто кратковременным ливнем, а вечным ненастьем в душе. Он слегка отстранил руку дворецкого. Увидев, что бегонии у стены, за которыми так бережно ухаживали, склонились под натиском стихии, он поспешил к ним. После бури почти все пышные цветы оказались сбиты и втоптаны в грязь, остались лишь одинокие, пригнувшиеся к земле стебли.

Когда юноша собрался шагнуть прямо в дождевой туман, дворецкий в последний момент удержал его.

— Дедушка-дворецкий, посмотри, цветы, которые сажал дедушка, погибли. Я больше не ребенок.

Юноша обернулся и произнес это с какой-то отстраненностью. Его лицо было сумрачным, а огонек в глазах гас с каждой секундой. Вскоре последний луч надежды окончательно погас, взгляд стал пустым, как пересохший колодец, — в нем воцарилась мертвая тишина.

Этот увядший сад стал последним ударом для хрупкой души юноши. Сдерживаемая плотина чувств рухнула. Он опустился на колени и зарыдал в голос. Слезы лились ручьем, словно он пытался выплакать всю боль, накопившуюся за целую жизнь.

То был пасмурный дождливый день. Тот внезапный ливень и серое, мрачное небо навсегда отпечатались в его мире.

...

В машине Се Цинши сжал сердце от боли, увидев, как по щеке Цинь Юяня скатилась слеза. За все годы их дружбы он видел, как тот плачет, лишь в раннем детстве. Его друг был гордым, сильным, всегда настороже и полон недоверия к окружающим — он жил словно лев, и крайне редко позволял себе показать слабость.

Се Цинши взглянул на часы: обеденное время подходило к концу. Вспомнив, что друг с самого утра летел в самолете и еще не ел, он решил его разбудить.

— А-Юй, А-Юй, просыпайся. Я заказал еду, поешь и ляжешь поспать в комнате. А-Юй...

Се Цинши звал друга и легонько тряс его за плечо, но Цинь Юянь, погруженный в кошмар, не просыпался. Лицо его было тяжелым, словно на нем лежал груз всех страданий мира. Вскоре его тело начало мелко дрожать, а дыхание стало прерывистым и слабым.

Видя такое состояние друга, Се Цинши перепугался до потери дыхания. Его охватила небывалая паника, мысли в голове смешались.

— А-Юй, А-Юй, проснись же, не пугай меня!

Се Цинши изо всех сил тряс его, и в его голосе уже слышались рыдания.

Сквозь пелену сна до сознания Цинь Юяня наконец донеслись настойчивые крики. Он резко открыл глаза и, увидев Се Цинши на водительском сиденье, понял, что это был лишь сон. Но ужас заключался в том, что даже во сне ему пришлось вновь до мельчайших деталей пережить смерть дедушки.

Через некоторое время, когда сознание прояснилось, а сердцебиение пришло в норму, он расслабил нахмуренные брови. Заметив страх в глазах Се Цинши, Цинь Юянь сжал его дрожащую руку и ободряюще похлопал по плечу.

— Не бойся, я в порядке.

Он произнес это мягким, спокойным голосом, пытаясь успокоить перепуганного друга. Заметив, что у самого глаза влажные, Цинь Юянь небрежно смахнул слезы тыльной стороной ладони. Несмотря на невыносимую тоску в душе, он решил перевести все в шутку:

— Почему у тебя глаза такие красные? Плакал, что ли? Маленький плакса.

— Вовсе нет, тебе показалось. Это просто ветер в глаза попал, — тут же парировал Се Цинши, вытирая рукавом слезы и упрямо отрицая свою слабость.

<http://bllate.org/book/20043/1980144>